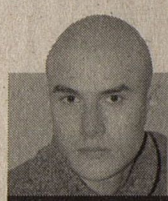

Ведущий полосы Сергей Шаргунов

В УПОР
Сергей Шаргунов

Василина, порви Селина

Боевым традициям верны: представляем очередное имя.

Талантливая Василина Орлова – поэт, эссеист и прозаик. Ее статья-манифест появилась еще в первом выпуске «Свежей крови». Роман «Голос тонкой тишины» опубликован «Дружбой народов», повесть «Бульдозер» вышла в «Москве». А повесть «Вчера», попавшая в лонг-лист «Дебюта», недавно вместе с рассказами выпущена столичным издательством «Грэйта».

Помню юные времена. Василина – студентка философского факультета, но без уныния во взоре: глазки сверкают,

блондинистая челочка, яркая помада, киса-мурочка...

Парк у Чистых прудов, пиво, скамьи, блудце пруда, хмельной мужик раскачивает лодку, наши отрывистые речи.

Пролетают годы. Недомолвки, легкие ссоры. Василина пишет и пишет. Замуж выходит. Нервный с усиками муженек. Мирится. Ее печатают, облакивают, постепенно опутывая литературными сетями.

Сегодня Орлова на пороге большого признания. Еще немного, и наша рыбка окажется на сковороде. Зашипит, поджариваясь. Огонь славы зажигает мы, отдавая целую полосу Орловой.

Что свойственно Орловой? Цепкость зрения, миниатюрность картинок, которые не становятся хрупкими или ломкими, а остаются прочными.

Василину можно было бы упрекнуть в инфантилизме, назвать ее прозу «женской», а то и «девичьей». Но перед нами не кисейная барышня, а хищник. От бесчисленных начинающих бумагомарателей с километрами «ахов» и «охов», и банальным барахтаньем на поверхностном уровне бытия, ее отличает цепкость ума, четкий фактурный русский язык, багаж знаний, чувство достоверности и меры.

Василина и порывиста, и профессиональна, и просто-душна, и себе на уме.

На стыке двух противоположностей – умения писать взахлеб и способности отсечь лишнее – появляется зрелый писатель.

О чем она? Работает с общедоступным, а не порицаемым, как кто-то подметил. Есть сквернословы, друзья опарышей, винной отрыжки, струй и срама. Делают свое тревожное дело. А есть

народ, схваченный мгновенным, любящим, близоруким, соединяющим взглядом, переплавленное поле, черные комья, скользкие мыльные черви, и над благолепием носится Василина, невеста витязей, дочь полков, одуванчиковый пух...

Василина против Селина. Орлова за нежное слово.

И неважно, сколько ему лет, автору. Неважно, что написано не так много. Все еще будет.

Потому что будешь ты писать.

Вот Рома Сенчин написал «Вперед и вверх на севших батареях», отрывок мы печатали, а теперь вся повесть в последнем «Новом мире». Разговор от первого лица. Чем подкупает? Да нет, не реализмом, не достоверностью, это все несколько абстрактно. У Сенчина есть выстраиваемая позиция. И он за нее дерется: близость к народу, превосходство грубого труда над умственным, расщепление бревна вместо «расщепления волоса»...

Прав ли Сенчин? Речь уже не о правоте, а о стиле жизни. Например, герой, обладающий нормальным капиталом, долла-

рами, зарплатой, каждый день вскакивает спозаранок, обходит коридоры общаги и собирает бутылки. Наваривает 11 рублей. Зачем? Голодная жизнь выгоняет на промысел? Тут другое. Праведное эстетство.

Вере себе и Геласимов, последовательно разрабатывающий новые темы, но неизменный в скупой аскетичной манере повествования. Знаю, что он собирается поехать в степи, сочинить эпопею о Великой Отечественной. Визу, как улачен и легок он, если о современности, и архивен, если о прошлом. Пускай дерзает, авось выгорит.

Василина тоже умышленно сужает границы, заявляя в интервью, что нужно жить да жить, а не размышлять об историческом пути России, и поспешно хохочет в складках многочисленных материнских юбок.

Супротив на тех же демократично пластмассовых стульях расположился молодой мужчина в стильном пальто. Из-за воротника выбивается шелковый шарф. Заслонившись щитом детективной книжки, он поглядывает на орущее чадо степей с недоверием и опаской.

Гул голосов, ругань, смех, плач, перезвоны лихой музыки из киосков аудиозаписей. Запах иностранных сигарет, махорки, пота, еды, мочи.

«Да ну ее, молодежь!»

Орлова Василинка – народная кровинка

- Ты родилась далеко от Москвы. Это сказывается на ощущении мира?

– Конечно. Это сказывается не только на ощущении мира. Но и на мире тоже. Как таковом. Ну, если серьезно, то чувствуешь себя человеком-амфибией, жителем двух разных атмосфер. Я живу в Москве уже довольно давно, большую часть своей бессознательной и даже некоторый отрывок сознательной жизни. Однако много времени провожу в провинции и могу сказать, что провинция, глубинка, регионы мне не менее дороги, близки и понятны, чем Москва. Часто, приезжая в небольшой город впервые, ловишь себя на ностальгии: словно уже был здесь, жил когда-то. Яркое чувство узнавания посетило меня в Глазове, хотя этот город всегда лежал в стороне от моих ранних путешествий. Вообще достаточно получаса пути в сторону от Москвы, чтобы переселиться не то что в прошлый – практически в позапрошлый век. Но не только кисло-сладкий вкус барбариски-ностальгии посещает во время таких путешествий. Порой больно видеть облупившиеся куски штукатурки на разбитом газоне, весьма условный тротуар и проржавевшие крышки.

– У тебя вышла книжка. Скажи пару слов о ней. И что ты пишешь сейчас?

– Книжка называется «Вчера», в ней – повесть и несколько рассказов. Долго думали над названием. Редактор предложил вариант: «Новый палимпсест». Мама мне запретила, сказала, не знает, что это такое. Я все время что-нибудь пишу. Заговядка в том, что, пока не напишешь, непонятно, что это.

Царевна Золото притворно потупилась.

В. Васнецов. Три царевны подземного царства, 1884 г.

ти. Вообще я слишком хорошо чувствую свои корни. Это мешает: не дает оторваться. – Ты публикуешься, следовательно, рассчитываешь на читателя. Чье признание хотела бы получить – массовое, келейное, «толстых журналов», маргинальных тусовок?

– Я бы хотела получить признание в любви, а не в литературе. Мне хватает моего признания: читают обозначенные в друзьях и изредка какие-то знакомые люди. Кто-то ругает, кто-то обнаруживает сходство опытов. Первое придает бодрости и злости, второе убеждает, что ты в мире не один, кто-то еще дышит в одном с тобой ритме. От литературы мне вообще нужно не

это. И, собственно, не литература объект моих устремлений. У меня есть абсолютно простые и конкретные требования, упования и просьбы к белому экрану или чистому листу бумаги: избавить от беспробудного идиотизма окружающего мира и человеческого существа, снабдить медийным ощущением полноты, открыть глаза. Это трудно описать словами. Но надо. Иначе – зачем все? Мне важно, как меня прочтут семья. Признание родных – это всегда самое искреннее признание. И другого не будет.

– Василина, каждый год ты едешь в Липки на форум молодых писателей. Кто из участников (наставников и ровесников) тебе близок и интересен?

– Да, была трижды. В будущем году не поеду – там очень интересно, но это уж будет с моей стороны чересчур. Но вообще я много общаюсь с пишущими сверстниками не только и не столько по Липкам. Многие из тех, кто «вчера» заявил о себе как поэт, я знаю лично лет с шестнадцати, восемнадцати, двадцати. Карасёв – состоявшийся поэт, он мой ровесник,

ему 24. Шабунский – потрясающе точен и остроумен в своих поэтических формулировках. Многого ожидаю от поэта и переводчика Анны Веденичевой. Все они принимали участие в форуме. В этом смысле, я считаю, организаторам удалось собрать внушительный сноп колосцев. Что касается наставников, то, по-моему, они сами учились у нас не меньше, чем мы у них. Мне нравится проза Леонида Юзефовича, и сам он произвел на весь семинар большое впечатление. Я уважаю людей, которым интересно работать с молодежью. Я, например, вряд ли смогу – всегда думала, что старше человек, тем он, по сути, глубже. Когда я повзрослею, буду бояться молодежи, стану ее избегать, да ну ее, молодежь! Я уже и сейчас их боюсь, тех, кто младше лет на семь-десять.

– Твои произведения отличает симпатия к простому люду...

– Ну спасибо. Симпатия к простому люду. Да это не люды – это все моя родня. Как же мне ее не любить? К счастью, наш народ обучен чтению, а будучи знаком с азбукой, он не нуждается ни в каких адаптациях сложной, «ненародной», «интеллектуальной» литературы. «Люды» все и обо всем знает, он очень умен и прозорлив – это его такая изначальная черта. Всякую фальшь, всякую дурную стилизацию, всякую попытку расказывать ему о нем самом он различает с двух слов, после чего «писатель», великий человек и инженер всеобщих душ, становится тем, кем он есть: умным мальчиком из балаганчика, изучающим народ, как собрание мелких животных с редкостными повадками. Поэтому думать об историческом пути России – напрасный труд. Жизнь – ее жить надо, а не думать, как сказал этот самый пресловутый, нигде не существующий в природе простой люды.

– А ты хотела бы родить? – Самый серьезный вопрос. Не только в разговоре – в жизни. Честно ответить? Не знаю.

Беседовал Сергей Шаргунов

Ожидание

Вокзальный реализм

Василина Орлова

Зал ожидания. Люди вяло пережевывают пироги, бутерброды, гороскопы, кроссворды, анекдоты и друг друга. Уныло смотрят перед собой, ходят взад-вперед, гнездятся поудобнее на угловатых стульях и засыпают, языком кутаясь в кожу, – в Киеве морозец. Мысли либо остались у начала пути, либо унеслись к его концу.

В зале колонны с лепниной. На капителях – гипсовые колоды, серпы и молоты. Символы умершей цивилизации.

Цыганская деваха грозит юной чумазуре ремнем, и та поспешно хохочет в складках многочисленных материнских юбок.

Супротив на тех же демократично пластмассовых стульях расположился молодой мужчина в стильном пальто. Из-за воротника выбивается шелковый шарф. Заслонившись щитом детективной книжки, он поглядывает на орущее чадо степей с недоверием и опаской.

Гул голосов, ругань, смех, плач, перезвоны лихой музыки из киосков аудиозаписей. Запах иностранных сигарет, махорки, пота, еды, мочи.

– Вот я читал, один американист... – Ни с того, ни с сего очутился бородастый дед в ушанке. – Три раза попадала в него молния. И только на третий раз добила. Какая человеческая природа упорная.

Все это он доводит до сознания соседа, который впригляд в пол и уже не реагирует на раздражители внешнего мира.

Старуха в платке, надвинутом на глаза, в странно модных квадратных очках без оправы – поворачивается к деду всем своим баркасом, затынутым в телогрейку.

– Человек что хотите выдюжит, дажи и такую дорогу.

– Чем же путешествие-то не нравится, мать?

– А что, ничего, я и говорю. Простыни в поездах чистенькие, свеженькие. А балакают, плохо живем.

– Ты, мать, откуда же?

– С деревни Маковки.

– Мак, значит, производим?

– Подмигивает ушанка. – Дело доходное.

– Это что же, в смысле наркотика?

– Ну, если с умом торговать...

«Мать» сердится, отворачивается:

– И что за наркотики, мы и не знали. Мак ели и не диковали.

– Молодежь все напридумала... – веселится борода-ушанка. – Молодежь, а?

Пожимаю плечами.

В другой стороне – молодой парень с землистым рыхлым лицом, с ним на скамейке костыли и бутылка «Ром-колы». Уткнулся в газету, весь поглощен читаемым – брови ходят вверх-вниз, губы слегка шевелятся.

Цыганка дитю басом:

– Поди сюда. Поди сюда, сказала, – и хлопает ремнем по лавке.

Так провинившихся псов подзывают.

Дите с другом играет в лошадки, обмотав вокруг шеи веревку.

– Ромашка, – кликнули его сотоварища, и лошадка весело бежит на зов.

Оставшись в одиночестве, мальчуган опять ревет в голос. По грязным щекам – слезы. Молодой человек выпал из газеты, потрепал ребенка по вихрам.

– Строга мать-то. – Старушка-маковка смотрит на цыганку враждебно, боком.

– Вот меня мать дирала, – просыпается сосед ушанки, не молодой уже человек, потерявший, как ходячая монета.

– Пользы-то с того, – ворчит старуха.

– Не скажите, польза была, была, – с достоинством возражает монета. – Так бы еще неизвостно, что с меня вышло. А так вот он я какой, гляди.

– И глядеть-то не на что, – с сердцем говорит бабка.

– Я не про то, – он прижимает грубую ладонь с пожелтевшими ногтями к левому верхнему карману, – я все к тому, что ежили мать нас и ругает и бивает, все едло мы к ней как? Как к матери повинны относиться. Ну, бабуля, разве же не прав я? Какая-никакая, а мать наша. Верно, нет?

Бабуля, не ожидавшая такого поворота, мячует, оттаивает:

– Верно, сынку мой, верно. Мать она всегда мать, даже злая.

Цыганка как не слышит разговора. Она глядит поверх голов, и красный бант с блестящими ушками высокомерно подрагивает. В пальто и

– Подайте, добрая красавица, – мужичонка останавливается напротив боярыни.

У той испуг и любопытство на свежем лице. Она поспешно, изящно срывает перчатку, но спутник задерживает руку, наклоняется и шепчет на ухо. Щеки боярыни розовеют:

– Ступайте. Мне нечего дать вам.

Ветеран долго смотрит ей в лицо, без сожаления и гнева:

– Меня, добрая красавица, никто с рождения на «вы» не называл.

Он уходит, люди смотрят на боярыню, как на невиданное существо, а на ее спутника – искоса, недобро.

– Нам пора, Коленка, – она неловко поднимается.

– Вот и с родиной такие же дела, – оживает ушанка. – Хороша ли, плоха, а мать наша...

с детективом взял «дипломат» и ушел – то ли посадку объявили, то ли мешали читать.

– Вот и с родиной такие же дела, – оживает ушанка. – Хороша ли, плоха, а мать наша...

Его патристическое воодушевление повисает в тишине.

Женщина в дубленке и высокой меховой шапке, похожая на боярыню, красивая и еще не старая, молвит спутнику:

– Симпатичные цыганятки маленькые.

– Ага, – соглашается тот, разглядывая цыганенка, тонкие ручки которого теребят рваный пакет. – Как таракашки.

– А как выростут... Что говоришь, таракашки? Ха-ха...

Вдоль рядов тащится цетинистый бледный черт в очках с треснутыми тостыми стеклами.

– Господа, – возглашает он и подбочивается, – подайте кто сколь может ветерану.

Он и сам слегка смущен этой невольной и, может, даже сиюминутной ложью.

– Какой ветеран? – ежится.

Всем нам неловко. Бог весть, отчего становится неловко при встрече с нищим – будто чем-то виноват перед ним.

– Выпивки ветеран, – сварливо откликается бабка.

Василина Орлова родилась в 1979 году в селе Дунай Приморского края, выпускница МГУ.

Междупуте. Межвременье. Перерыв. Никем не заказанная рекламная пауза. Зал ожидания настоящей жизни.

Женская проза. Сладко? Зато горячо!

Плакаты неизвестного, Берлин, 1897 г.

Женская проза. Сладко? Зато горячо!

Плакаты неизвестного, Берлин, 1897 г.